

Михаил ОБУХОВСКИЙ

Появились

В сентябре этого года судьба подарила мне возможность увидеться с Одессой после почти 15-летнего перерыва, поклониться дорогим могилам, коснуться перил лестницы в "парадной" моего бывшего дома, пройти по фиолетовой лавы плиткам старых улиц, ворошить упавшие под ноги листья деревьев Французского бульвара. Обнять друзей. И убедиться в искренности дружеских чувств авторов поэтического романа в письмах "Исчезли..." — дуэта Валентины Голубовской и Феликса Кохрихта.

В приезд этот я с радостью и гордостью, но часто и с болью видел, как много нового в моем городе появилось за годы моего столь долгого отсутствия. Все это описать невозможно. Риску предложить "Всемирным" начало списка, который, надеюсь, дополнят одесситы зарубежья и особенно одесситы Новой Одессы. Может быть, в их числе поспасителю увидеть и влюбленных в свой город Валентину и Феликса.

Итак, появились...

...неофициальные, я бы ска- зал, народные, бронзовые памятни- ки в городе и в Саду скульптур Литературного музея (в одесском Летнем саду). Только вот выбитое на их цоколе часто далеко от скромности и искренности надписи на ге- нимальном бюсте: А.С. Пушкину граждане Одессы. На улицах появились баки для мусора, ко- торые под утро тихо, без кри- ков и мата, опорожнялись грузчи- ки спецмашин. Защитные сет-

ки на реставрируемых зданиях. Строительный мусор, выноси- мый в мешках... Bravo, Одесса, ты перестала быть пыльной. Появились казино, которых в Одессе больше, чем во всех курортных городах Франции вместе взятых. Казино в неку- рортных городах запрещены законом, а в курортных — стро- го лимитированы. В Мантоне, где мы обычно проводим от- пуск, в 20 километрах от Ниц- цы, всего одно казино. По чис- лу же банков Одесса опереди-

ла Швейцарию, в которой мас- сивные темные здания вокруг Женевского озера можно пере- считать по пальцам. Появивши- еся в городе фармацевтиче- ские дворцы заменили старые пустые аптеки с порошками "от головы" и "от желудка" Но вот цена этих лекарств!

Непомерной длины остроно- сые туфли на невероятной вы- соте каблучка. Давно известно, что чем дальше от Парижа, тем короче юбки. А вот такой кон- центрации красивых длинных

ног, открытых этими почти от- ступающими юбочками, в Европе, поверьте, нет (извини- те, Александр Сергеевич).

Появилась масса магазинов, открытых день и ночь все дни недели — знаменитые 24/24 и 7/7. Во Франции же из-за вве- денной 35-часовой рабочей не- дели и профсоюзов, которые следят за строгим соблюде- нием завоеванного права отды- хать всей семьей в воскресе- нье, производство стало доро- же, отсюда проигрыш конку- рентам. Вперед, Одесса, ты имеешь все шансы закрепить- ся на французском рынке! А пока — расточительно излишне изобилие товаров (первая фа- за дикого капитализма) — надо же догнать упущенное за годы советской власти! Еще одна примета жизни якобы по-за- падному: прохожие с открытой банкой пива "из холодильника" в руке.

Появились контрабандные товары, не сделанные на Ма- лой Арнаутской. Появились "особые" люди, для которых предлагаются, если верить рекламе, "особые товары". Табличка: "Мы оставляем за собой право выбора клиента" (а это, господи, расценивается как дискриминация).

Появилась украинская сим- волика. При мне еще запре-

щенные блакитно-жовті флаги и трезубцы заменили красные, цвета пролитой крови флаги и перегруженный надписями на языках всех республик герб с претензией на весь земной шар... Круглые французской традиции кепи украинских по- лицейских; высокие тульи офи- церских фуражек.

Стало страшно, когда уви- дел появившиеся декорации из "Сталкера" вместо гордо- сти одесского станкостроения. Мирового уровня заводы и КБ разрушены, разграблены. Ку- чи мусора и выбитые стекла. Зона. Больно... Выжило то, что продает-покупает, а не создает...

Появились неснятые "двор- ники" и зеркала заднего обзор- а у припаркованных машин. Сам табун рычащих машин за- поминается дребезжащими развалюхами (как они проходят техконтроль?) и последними моделями непонятно для чего приобретенными в городе все- дорожниками (уж не для пре- одоления ли дорожных ям и ухабов?). Все это несется, пре- вышая средневропейские 50 км/час в городской черте — впечатление, что город был за- стигнут врасплох вдруг выса- дившимся автомобильным де- сантом. Автосервис все же усп- ел перестроиться, судя по пу-

Владимир МИНЕНКО

Ночной дозор

Портрет в пространстве уплывшего времени

Как известно, население Одес- сы состоит из жителей Одессы и одесситов. Кому-то повезло по- явиться на свет непосредственно под большим одесским солнцем — и они не слишком дорожили этим, других, родившихся не при столь ярком освещении, занесла сюда услужливая и благосклонная судь- ба — они-то как раз, как неофиты, более трепетно относятся к свое- му счастью.

С тех пор как появилась желе-зная дорога, стараниями будущего графа Витте соединившая южный город с центром бывшей Росий-ской империи, многих приняла Одесса под свое пестрое крыло. Иные и вовсе, казалось, являлись исключительно затем, чтобы на своем примере утвердить еван-гельскую истину, что и последние станут первыми.

Кто больше сделал для не- меркнувшей славы города, судить уже трудно. Один из "уроженцев" написал "Белеет парус одино-кий", другой, из "приезжих" (ко- торый и прожил-то здесь непол-ных два года), — "Время больших ожиданий".

Каким образом появился на этих улицах Юрий Овтин — человек, ко- торому суждено было стать быто- писателем Одессы последней чет- верти минувшего века, — мы раз- бирать не станем, да это теперь и не важно, поскольку со временем сложилось впечатление, что был он здесь всегда, и в его отсутст-вие образ Одессы выглядел бы обедненной.

На углу Екатерининской и Грече-ской — известных также как улица Карла Маркса и улица Карла Либкнехта (с этой или подобной ей фразы нередко начинались его ранние рассказы), через дорогу от знаменитого распивочного под- вальчика, перекрестно прозванно-го "У двух Карлов", размещалась, выходя фасадами на обе эти ули-цы, издательская фирма "Папи-рус", ранее, во времена плановой экономики, именовавшаяся "Союз-бланкиздат". И не было ничего, что представлялось бы более противо-естественным, чем сочетание скуч-ной казенной продукции, ею пред-лагавшейся, и избывкой жизнере-адности облика ее директора — Юрия Петровича Овтина.

Тягловый хомут отнюдь не ро-мантических обязанностей, который согнул бы другого до положенья овра, смотрелся на нем легко, как радуга над фонтаном. Под ее аква-рельной дугой круглилась, форми-руя овал лица, луноподобная улыб-ка, делавшая его похожим на Че-ширского кота, — со щеками, как подушечки для иглолок, будто спе-циально приспособленными для колких, щекотливых острот. Про-должая сравнительный ряд, не-трудно было вспомнить и других именитых котов, концертировав-ших в литературе: гофмановского Кота Мурра — с его "Житейскими воззрениями, вкупе с фрагментами биографии капелмейстера Иоган-на Крейсlera, случайно уцелевши-ми в макулатурных листах" (одно из тех длинных и многосложных названий, к которым Овтин позже на- пытался преодолеть влечение), а также — булгаковского Бегемота, отхлебывающего из примуса, — тем более что нередко в те годы видели писателя в компании ма-ленького, наглого, похожего на Ко-ровьева человека в лоснящейся плоской кепке.

Стоя на означенном углу, у двухэтажного здания, распахиваю-щегося бабочкой на обе улицы, там, где продавались цветы, Юрий Петрович (или просто — Петрович, — как зачастую его называли) доб-родушно, с кошачьей грациозно-стью раскланивался — и сам как бу-кет, на котором развязали ленту, — раздаривая охапками или поштуч-но свежие истории, новости, со-путствующие дням анекдоты.

В горячем, источавшем смоляную росу асфальте можно было разли-чить четкие углубленья, оставлен-ные овтинской стопой, — как вправ-лены оттиски ладоней голливудских знаменитостей в бетонные звезды бульвара Сан-Сет — с той разницей, что в нашем случае след не насле-довал былую популярность, не за-печатлевал ее, а только предшест-вовал ей. Втаптываясь и погружаясь в эти улицы, постепенно утвержда-ясь в эквиваленте собственного ве-са, он словно создавал матрицу, в которой будет отлит набор его бу-дущих книг.

Из окна его служебного каби-нета открывался классический одесский дворик, напоминающий

увиденный с изнанки корабль, — с опоясывающими периметры этажей палубными галереями и полотнищами разноцветного бе-ля, движущимися на скрипучих блоках по направлению к искрив-ленной мачте высящегося посре-ди двора пирамидального тополя. Жидкая плетеная тень его, как ча-совая стрелка, ложилась на ис-сохший каменный колодец, вы-рубленный в форме пузатой абордажной мортиры, указывая время, когда следовало появить-ся дворничихе бабе Франс, — каждое утро с боцманским шиком шаркала она колючей метлой, сметая в квадратный жестяной совок расплюснутые папиросные гильзы, употребляя такие слова и выражения, давно исчезнувшие из усредненного интеграций бы-та, которым позавидовал бы сам создатель Толкового словаря жи-вого великорусского языка Вла-димир Иванович Даль.

Быть может, этот двор, похожий на ковчег или брандвахту, постав-ленную на мертвые якоря у задней стенки "Союзбланкиздата", и по-будил его к путешествиям, соста-вившим первую книгу рассказов. До этого мир представлялся в ви-де условно раскрашенной полити-ческой карты мира, напоминавшей попавшую под дорожный каток бочкотару, из которой крылышка-ми, как из шлема Меркурия, торча-ла по обе стороны дважды нарисо-ванная Аляска, опрочметливо про-данная царским правительством американцам.

Писательский путь Юрия Овти-на вычерчивался при посредстве двойной штурманской линейки из литого красного дерева на мер-каторских мореходных портола-нах с метками Ллойдовского ре-гистра. Прозрачные пересеченья параллелей и меридиан, за кото-рыми трепетали тропические за-каты, разительно отличались от плохо отпечатанной бланочной сетки бухучета, где "N" означала не "норд", расположенный к се-веру от "зюйда", и не император-ский инициал, украшающий ка-менный мост через Сену, а бан-альный № входящих и исходя-щих делопроизводства.

Но звучали, как в морской ра-ковине, в потревоженной душе

пароходные гудки, розовело пор-фиговое облако Тадж-Махала, шумели стамбульские базары и смьятым конусом топорщилась го-ра Фудзияма, освещенная крас-ным солнцем.

Пухлый чемодан, сопровождав-ший путешественника в его странствиях, перекочевал на об-ложку книги, получившей название "О, белый теплоход..." (вышедшей впоследствии и вторым изданием — с портретом автора, исполнен-ным при посредстве тростниково-го пера и китайской туши в ви-де джинна в бумажной рубашке с распашным воротником, возни-кающего из колеблемой волнами темной бутылки).

Так появился писатель, еще не до конца осознававший разницу между очерком и рассказом, но чья увлеченность реальным по-вестованием затмевала вымысел.

Вскоре стали выходить и другие книги. Они были посвящены Одес-се. Как будто, бросив взгляд изда-лека, увидел Овтин то единствен-ное место на глобусе, которое ему хотелось охватить всей округло-стью восторга, заключающейся в начальной букве как его собствен-ной авторской фамилии, так и в наследованном из времен Овидия имени города.

"Об Одессе и одесситах", "Одесские истории" — их страни-цы наполнены сухим шелестом акаций, под которыми выставле-ны мраморные столики уличных кафе, где приятно встретит дру-зей и знакомых, а в просвет об-рывающегося проулка вправлен кусок моря цвета бутылочного стекла. Стилитика овтинских рассказов не создает обобщен-ных образов, она конкретна, действующие лица узнаваемы, — это как слепок с живого, в кото-ром хороший скульптор лишь за-острит отдельные черты.

Наконец — "Избранная одес-ская проза", собравшая под своей зеленой крышей все лучшее из написанного им и как бы подво-дившая итог начальному периоду творчества, который по цвету об-ложки, покрывающей завидный том, так и хотелось бы назвать — "зеленым", если б не опасенья, что прилагательное может быть истолковано как определение. На этой в зеленое окрашенной кры-ше вальжно развалился с сига-рой во рту кот Мордехайм, люби-мец корабельного двора, торчала метелкой верхушка пирамидаль-ного тополя, был виден тот са-мый, теперь во многом обязаный ему известностью угол Екате-рининской и Греческой, от которого неотделима фигура и самого пи-сателя, возвышавшегося здесь в

окружении своих невымысленных героев, — наподобие памятника, по цоколю которого шествуют чу-гунные персонажи...

Киплинг, когда его спрашивали о том, как надо писать, предпочит-ил рассуждать о сортах бумаги и отточности перьев — полагая природу таланта естественной.

Овтин пишет легко и не произ-водит впечатления каторжника, прикованного к литературной га-лере. Ровными рядами заполняя страницу от края до края, ложатся строки, лишь изредка вскидыва-ясь петушиными гребнями вста-вок. Склонив загорелое лицо над бледным бумажным листом, будто скользит он по транспаранту где-то там внутри уже намеченных, но другим не видимых очертаний, — или проявляет содержащееся на чувствительной к свету пластине фотоизображение, постепенно на-сыщая его серебром и чернью в прозрачном объеме таинственно-го рассола...

Как по-фламандски заманчивы были эти превращения!

Плавящийся янтарь копченых скумбрий, салные пятна "жлоб-ской" крестьянской колбасы про-ступали сквозь бумагу, резной зе-леный хвостик петрушки свешив-ался с исписанного листа, влаж-ные наждачные раки с пряными глазками, шевеля клешнями, лез-ли из-под дести...

И здесь уже нельзя различить, где кончается описание и где на-чинается застолье, и самое вপুরе отложить ему в сторону жалкую паркеровскую, с золотым пером ручки, брать широкий, с изъеден-ной укусом сталью тесак и начи-нать нарезать, вышибая слезу, ту-гую корейскую луковичу, сладкий болгарский перец, светящийся из-нутри переплетами стрелчатых венецианских окон, сизо-красные помидоры, раскатывающиеся из-под лезвия раскаленными паро-выми колесами, пожирающими пространство...

Отворяя книгу как двери, ер-зающие переплетными петлями, можно спуститься по неосвещен-ным ступеням вместе с ним в по-гребок, где пахнет мокрой доской и мускатным орехом, где арочные перекрытия сводов напоминают об утробе кита, поглотившего Иону ("И был Иона во чреве кита три дня и три ночи"), где звучит купринским репризом скрипка, похожая на кожаное истертое седло, и летящая из бочковых за-торов, пенится еще играющее молодое вино, пуская со дна ста-канов аквариумные струйки угле-кислого газа...

Как "художника слова" первыми его оценили живописцы.

гающему количеству заправок станций.

Появилась собственного фазона плитка на тротуаре перед каждым офисом или магазином. Соседство выбоин (открывающих многослойность асфальта, по которому можно изучать культурные пласты поселения) и прекрасной работы навесов над входом в рестораны или гостиницы (правда, переграживается тротуар, и так превращенный в дикие автостоянки).

Появилось обилие газет, действительно отличающихся по направлению и освещению одесской (и не только) действительности. 2 (две!) еврейских одесских газеты (да что там газеты, — две еврейских общины). Новые синагоги. Национальные школы на всех коренных одесских языках. Культурные центры.

Появились дорогие бутики (скажем проще — лавки) с одеждой якобы от Юго Босса. Но уже выбор продовольствия (которое делилось раньше на "наше" и "не наше") идет в пользу "наших". Вместо гастронома № появились названия "Обжора", "Сельпо", "7/40"... Уличные продащицы (их и торговки не называешь) рабоче-крестьянских семечек предлагают и аристократический миндаль.

Появилось не ограниченное

У одесских фонтанов появились французский собрат. Фонтан духов, задуманный Кристианом, уникален. Бронзовый Двенадцатый стул рядом подсыказывает нужную тональность в оценке чудодейства. Используя возможность рассказать о своем детище по-французски, Кр с увлечением уверял нас в истинности фонтанирующей жидкости, подтверждал визитной карточкой и разными дипломами. Как раньше зачерпывали воду из фонтанов ведром, так мы из французского фонтана зачерпнули Духи в приготовленную для этого аптечную посуду, чтобы убедить своих друзей, что в Одессе французские духи продаются на разлив (!) по цене духов николаевской фабрики "Алые паруса" (!!). Невероятно. Bravo, Кр!

Показалось, что население делится поровну на появившихся охранников и на тех, которых они охраняют. Черные костюмы свежестриженных молодых людей соседствуют с камуфляжной формой ветеранов. Мы шаррахнулись в сторону от укороченного автомата в руке у парня в пуленепробиваемом жилете в ювелирном на Дерibasовской... Но вот банк. Охранник читает газету. Кто же защитит от гангстеров?

Появилось не ограниченное

совдеповскими убогими нормами (этажность, высота потолка, площадь кухни...) индивидуальное строительство. Трехэтажные виллы с бассейнами для красных рыбок и отдельно для детей. Одесса прочно застряла в фазе первоначального накопления капитала: распродажа исторически неоценимых домов и площадок. Новое здание в Пале-Рояле затмит оперный и разрушит очарование заповедного места; крошечный сквер моего детства на пересечении Канатной и Итальянского бульвара застроен Палладиумом...

Есть ли главный архитектор города, гарант сохранения одесской неповторимости?

Появилась национальная свободно конвертируемая валюта (хотя еще есть у. е.). Ее зарабатывают, а не получают как милостыню при выезде за границу. Твердая валюта других стран перестала быть улик преступлений. По непонятному множеству обменных пунктов кажется, что обмен — любимый спорт одесситов.

В лексиконе появились новые слова: круассан, аперитив, Мягков, Немирофф, бутики, презентация, биотуалеты, высокая музыка, высокая мода, кутюрье, шардонэ, элитный, сэконд хэнд...

Появился выпускаемый в се-

ле Шабо коньяк "Версаль". Нонсенс. Закон определяет название товара (в основном вино и сыр) по имени той местности, где он произведен. Отсюда коньяк только из провинции Коньяк, шампанское только из Шампани, а по названиям сыров изучают географию (Рокфор, Контэ, Сан-Нэктэр...). Но это нам не привилось, так будет больше армянского коньяка одесского разлива и одесской колбасы московского мясокомбината.

С Шустовым как-то тревожно. У нас в семье много лет хранился коньяк с рельефными буквами СНОUSTOFF на бутылке и гирляндой золотых медалей вокруг профиля Шустова. Коньяк привез папа перед самой войной из Молдавии, которая "присоединилась" к Союзу. Папа был корреспондентом в вошедших в Кишинев частях Красной Армии и рассказывал про Шустовский коньячный завод. Или я что-то путаю?

А пока в Одессе появилась своя Эйфелева башня, магазин своих Елисейских Полей. Символика французской столицы на упаковке коньяка Жан-Жак (кстати, имя в латинской транскрипции приведено с ошибками). Наверное, купили право использовать в рекламных целях известные торговые марки. А иначе, как?

Лион, Франция

Не придираясь к метафоре и принимая сказанное дословно, они избрали его почетным членом своего творческого союза.

В овтинских рассказах им импонировала раскованная манера письма, не стесненная условностями направления или "школы", как и шершавая шероховатость штриха, за которым проглядывала прочная, сплетенная из натуральных нитей основа. Изысканные колористы с руками кровельщиков, привыкшие писать пленэры, споласкивая кисти в портвейне, сдвинув на могучие лбы академические береты и закинув за спину потертые лакированные ящики на десантных ремнях, они и сами свободно входили в ткань его повествования, подсаживаясь к столу.

Листья платанов хлопотливо лопотали за порогом, воронная виноградная гроздь влетала в кованую оконную решетку, серая соль высвечивалась в полумраке...

Здесь были молчаливые мастера городского пейзажа, любившие этот город любовью пристальной и чувственной, умевшие при случае отдать дань натюрморту, захаживал говорливый авангардист в красной турецкой феске — похожий на зуава, с медалью собственного имени, отличной из украденной серебряной ложки, покачиваясь, подчаливали маринисты с картофельными лицами, испеченными белым солнцем Каролино-Бугаза, являлись тихие после бенефисов творцы площадных монументов, знающие лучше других, что жизнь коротка, а память податлива, как зеленая скульптурная глина.

Иных уж нет. Ушел, отметившись напоследок в "Альбоме", славный мастер Коля Степанов, лепщик и лирик, крестный папа "Пети и Гаврика", не стало медлительного и мощного Адольфа Лозы, давно уж перебрался к другим берегам "Маленький Дали" — создатель музыкальных шкатулок, любитель эпатажа Люкс Дульфан. Как хорошо, что навсегда они запечатлелись в овтинской прозе...

Возможно, именно общение с художниками и подсадало ему идею "Альбома" — нечто вроде блокнота для зарисовок, — где то, что не успевало запечатлеться с натуры в полном объеме, могло дополниться беглыми пояснительными записями, в надежде хотя бы таким способом удержать ускользящее мгновение, — листы, напоминающие больше переписку с рисунками на полях, или дневники, испещренные замыслами, осуществ-

вительных из которых суждено лишь немногим.

Было ли это и вправду некое поддоброе "Чукоккалы", где каждый мог оставить свой автограф, или припомнилось ему неоднозначное "Бывало, писывала кровью она в альбомы..." из второй главы "Евгения Онегина", — собранье пестрых глав, Gelegenheitsgedichten (стихи на случай), девичье рукоделие, маргинальные литературные игры — жанр, определения которому и по сей день не могут найти наши вполне доброжелательные рецензенты. А ведь как просто! (если воспользоваться восклицанием Л.Н. Толстого, резюмировавшего таким обезоруживающим образом идею "Войны и мира") — нужно, всего-то, чтоб объединились под одной обложкой люди хорошие, как уже, вероятно, успели устроиться под другими переплетами люди дурные...

Оставалось только собрать по соседям стулья (включая стоявшую во дворе садовую скамейку и "тубаретку" бабы Франи) или создать новую партию полуресел с обивкой из английского ситчика, чтоб разместить приглашенных.

На этих страницах прохаживались министры, украшенные позументом и аксельбантами, вышедшие в отставку с правом ношения мундира, здесь были кирпично-красные приятели из парилки на Провиантской, исхлестанные можжевеловыми (дубовыми, березовыми, эвкалиптовыми, с полынью и хреном) венчиками у котла, переделанного из роговой противолодочной мины, похожей на колючий каштан, профессора медицины с оксфордскими сертификатами, грузные газетные магнаты с розовыми лицами вегетарианцев, всеядные представители деловой элиты, рядом — футбольные болевальщики с 33-й трибуны (во главе с маленьким, наглым, похожим на Коровьева человеком с граненым стаканом в руке), знаменитые в прошлом спортсмены, боксеры с расплюсченными, как на медали, лицами — теперь меценаты, застенчивый шахматный экс-король, похожий на мальчишку, незабвенный бард с гитарой, чей голос мог разрушить стены Иерихона, писатели, деятели культуры, кинематографисты, нобелевский лауреат, "не по торговым странствуя делам", однажды посетивший Одессу, корреспонденты влиятельных столичных изданий, настоятельница женского монастыря с букетом нарисованных роз, всеми уважаемый губернатор в ленте.

— Eh bien, mon prince. Genes et Lucques ne sont plus que des

aranages, des поместья, de la famille Buonaparte. Non, je vous prévient que si vous ne me dites pas que nous avons la guette, si vous vous permettez encore de parler toutes les infamies, toutes les atrocités de cet Antichrist... — говорила известная Папа Павлова Шерер, фрейлина и приближенная императрицы Марии Федоровны, важному и чиновному князю Василию...

Впрочем, это, кажется, не

отсюда... Многофигурная композиция с изрядной долей комплиментарности и гиперболизма должна была, казалось, воссоздаваться в памяти торжественные корпоративные портреты с кружевами и алебардами — наподобие рембрандтового "Ночного дозора", где свет колеблющихся факелов выхватывает лица в соответствии с их цеховым или геральдическим рангом. Но над всем, что выходило из-под легкого овтинского пера, витала пушистая чеширская улыбка, позволяя увидеть и за костюмированным маскарадом естественные человеческие черты, — словно на фотографии, сделанной веселым пляжным фотографом, все не претендующим на "высокое" искусство, который просто снимает группу отдыхающих, гарантируя при этом непереносимую надпись — "Привет из Одессы!"...

Нет больше фирмы "Папирус" с фигуркой бесстрастного египетского переписчика на витрине, и то место на углу Греческой и Екатерининской против "Двух Карлов", где любил наш писатель постоять по утрам, поболтать, "набраться слов и выражений", — теперь занято громоздкой рекламной установкой, беспринципное содержание которой меняется в зависимости от рыночной конъюнктуры.

Уверен, он напишет еще не одну книгу, — возможно, не только рассказов, может, махнется, наконец, на то, что называют "крупной формой" (под стать ему самому), и не в один еще "Овтинский Альбом" сойдутся друзья (в том числе и маленький, похожий на Коровьева человек в кепке и со стаканом), толкаясь и перебивая друг друга, чтоб засвидетельствовать литератору неизменную признанность.

Он по-прежнему — в центре Одессы, душевный и открытый, в маечке с крупными буквами, растянутами как транспарант на его обширной груди, — идет навстречу, улыбаясь, протягивая вам свою широкую мягкую ладонь, похожую на оладью.

Владимир МИНЕНКО

Ирина ЕГОРОВА

Одесса, 2004

Стрелой дороги пронзена,
Лечу, лучиста и вольна.

И полноценно влиться как
В смиренномудрие растенья?

Несытым взглядом,
тихим жестом,
Как поглядишь —
не все смогли
Из-за окошка, мимоездом
Слизать гармонию Земли.

Море соленым нутром
Кожный ласкает покров.
Небо — роскошным шатром.
Дальние мыки коров.

Плаксивые дали.
Леса рукоплещут,
Кивают, мотают башкой.
Колеса кудяхут.
И дети щебечут.
И рельсы над умной рекой.

Морю лень
шевельнуть волною,
Птице лень
шевельнуть крылом —
И висит она над водою.
Солнце прёт и прёт напролом.

Грядки — прописью
в тетраджах огородов:
Учится Земля —
в процессе родов!

Холодных волн
горячие объятья,
И море месит тело,
как пельмень.
Опять — туда...
хочу туда опять я...
Еще волна... ну, эта —
так, боль-мень...

Задумчивость козы —
в морях зеленых трав,
В разгульном разноцветии
цветов.
Бог, очевидно,
не совсем и прав:
Козиный ум к такому не готов.

И солнца масло
в каше облаков,
И пасти волн
упругое жеванье.
Вот взбит коктейль из нас
и пузырьков,
С нерастворимой жадностью
желанья.

Земля под Неба колпаком,
Леса —
под Неба наблюденем.
Все вместе,
в мыслях ни о ком
Стоят свидетели — растенья.

Вот солнце из-за тучки
Лучей раскрыло зонтик.
Кораблик белой гошкой
Втянулся в горизонт.
Я телом раскаленным
Пронзаю глубину
И радуюсь в соленом,
Медлительном плену.

Лежу, лицом уткнувшись
в небо,
А спину — озеру отдав,
Себя оставив на потребу
Воде, жующей, как удав.

**По дороге
в Санжейку**

Воздух жареный.
Поле пшеничное.
Маков капли. Коза. Васильки.
Полдень.
Ласточки стелятся низко.
Ветер даже не просит руки.

Цветов и дуновений брак,
Воды — и солнца озверенья.

Вновь моросит, ну конечно...
Как избежать, уходя,
Взглядов, желеюще-нежных,
Ласковых пальцев дождя?